

УДК 94(470) «1920/1930»

О.В. Авдошкина

**РОССИЙСКИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ
В ЭМИГРАНТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1920–1930-х гг.**

Эмигрантская историография 1920–1930-х гг. представляет собой сложный комплекс: от книг и статей публицистического характера до дневниковых записей и серьёзных научных исследований. Большое внимание в работах эмигрантов уделялось проблемам, связанным с развитием российского революционного процесса и роли в нём политических партий различной направленности, учитывая при этом специфику развития политической ситуации. Серьёзное изучение и всесторонний историографический анализ данных работ позволит современному исследователю получить комплексное представление о развитии научных знаний по данной проблематике и создать наиболее полную картину столь сложного периода в отечественной истории, каковым являлись революции 1917 г. и Гражданская война.

Ключевые слова: эмигрантская историография, революционный процесс, Гражданская война, политические партии, партийная борьба.

1920–1930-е гг. стали временем изучения истории российского революционного процесса в русском зарубежье с позиций белого движения [1, 2, 3, 4]. Здесь, как и в советской историографии, не последнюю роль играл социальный заказ. Идеологи эмиграции пытались вскрыть причины поражения белых, учесть совершённые ошибки и внести коррективы в новый политический курс антибольшевистской борьбы. В это время за рубежом были опубликованы уникальные документальные материалы, в которых революционный процесс отражался с точки зрения противников большевиков. Так, в 1920–1930-е гг. выходили многотомные издания: «Архив русской революции», «Архив гражданской войны», «Белый архив», «Донская летопись», «Русский исторический архив» и др. Конечно, политическая ненависть не способствовала формированию взвешенных оценок исторических событий, однако данные публикации имели большую ценность.

Основой для научных изысканий эмигрантов явились, в первую очередь, источники личного происхождения, в том числе воспоминания и мемуары бывших участников Гражданской войны. Их авторами являлись представители офицерского корпуса, политические деятели, журналисты, писатели, историки. Оказавшись в эмиграции, они стремились разобраться в причинах краха белого движения. Работы противников большевиков и Советской власти, с течением времени стали не только источниковой базой для последующих поколений историков, но и «арсеналом концептуальных идей» [5. С. 28] и, по мнению историка В.Т. Тормозова, обеспечили в советской историографии этого периода плюрализм мнений, многообразие подходов и интерпретаций событий Гражданской войны [6. С. 27].

Идеологическое противоборство в отечественной и эмигрантской историографии с начала 1920-х гг. стало определяющим в развитии исторической науки, особенно в области изучения российской истории первой четверти XX в. С другой стороны, существовала непосредственная связь между советскими исследованиями и трудами русского зарубежья, на которые ссылались советские авторы [7. С. 41]. Однако эмигрантские исследования использовались советской стороной для доказательства исторической бесперспективности антибольшевистского движения. Советские историки, цитируя работы русской эмиграции, подчёркивали, что ничто так беспощадно не разоблачает подлинную сущность контрреволюции, как она сама, как её собственные свидетельства. Вектор в этом направлении был задан В.И. Лениным, который в обращении к рабочим во время Кронштадтского мятежа в марте 1921 г. говорил: «Вы в последние дни, конечно, обратили внимание на обилие в газетах цитат, выписок из белогвардейской прессы... Почему наши газеты уделили этому так много внимания? Правильно ли это? Правильно. Потому, что надо знать своего врага» [8. С. 139].

Большое влияние на литературу русского зарубежья оказала формировавшаяся советская историографическая традиция. Ярко выраженная антисоветская направленность эмигрантской литературы преследовала цель не только политической борьбы с большевиками и их сторонниками, но и в определённой степени пропаганды. Поэтому эмигрантская литература, при противоположности высказываемых оценок, нередко страдала теми же недостатками, что и советская. Авторы зачастую сосредоточивали внимание не на выяв-

лении истины, а на поиске виноватого в поражении антибольшевистского движения, в самооправдании, самореабилитации, удовлетворении своих политических амбиций, утверждении своего видения событий революции и Гражданской войны, их важнейших причин [9. С. 39].

Формируемый в русском зарубежье категориальный аппарат был весьма аморфным, но, подобно большевистскому, с избыточным эмоциональным настроем. «Красные», «комиссары», «большевики» – весь этот словесный ряд употреблялся с выраженным негативным оттенком, усиливаемым производными словосочетаниями: «большевистский гнёт», «умелая и наглая пропаганда большевиков», «комиссародержавцы». В отличие от «репрессивной утопичности» стиля большевиков, соответствовавшего известным ожиданиям масс [10. С. 250–267], эмигрантская терминология не лишена была налёта нетерпимости и, как правило, строилась на антитезах. Например, в обращении адмирала А.В. Колчака «К населению России» от 24 июля 1919 г. говорилось: «Мы защищаем Родину – против Интернационала, Свободу – против Тирании и Культуру – против Одичания» [11. С. 120]. Однако противопоставить нечто более убедительное оформлявшемуся понятийному аппарату советской науки русское зарубежье оказалось не в состоянии, поскольку слишком многое виделось сквозь призму отчаяния проигравшей стороны.

Белоэмигрантская литература в целом представляла собой довольно пёструю картину: от книг и статей публицистического характера до дневниковых записей и серьёзных научных исследований. Господствующим видом (как, впрочем, и в советской историографии этого периода) являлись мемуары, оставленные людьми, не имевшими, как правило, профессиональной подготовки. На оценках истории революционного процесса в России и роли в нём антибольшевистских сил не могло не сказаться отсутствие единства в лагере противников Советской власти. Вполне естественно, что это обстоятельство обусловило обилие версий хода и исхода борьбы с большевиками, причём различия между ними носили не столько научный, сколько политический характер, и выражали интересы и предпочтения тех партий и течений, которые представляли авторы данных работ.

Кроме того, в эмигрантской литературе наблюдались колебания позиций от откровенно реакционных до демократических. Во всём многообразии публикаций противников большевиков можно условно выделить несколько направлений. Первое направление – консервативное (монархи-

ческое, белогвардейское), которое возникло преимущественно в среде представителей военной касты. Среди авторов воспоминаний были яркие колчаковцы, сторонники атамановщины или просто реакционеры без ярко выраженной политической ориентации [12, 13, 14, 15, 16, 17]. В силу такой неоднородности в литературе консервативного направления имели место взаимные обвинения и перекладывание ответственности за поражение друг на друга. Однако в то же время главным объединяющим фактором являлась непримиримая позиция по отношению к своим политическим противникам в лице большевиков.

Основоположниками консервативного крыла белоэмигрантской историографии стали представители окружения адмирала А.В. Колчака. Значительный интерес представляют хорошо известные мемуары (дневники) барона А.П. Будберга [18], неоднократно издававшиеся в нашей стране и за рубежом. В своём «Дневнике» автор крайне ядовито и в то же время со знанием дела отзывался о белом режиме в Сибири, деятелях колчаковской власти. В его мемуарах нашли отражение общие настроения, царившие в то время в ставке адмирала А.В. Колчака, в частности, категорическое неприятие каких-либо попыток ограничения власти Верховного правителя представительными органами. Несомненно, книга барона А.П. Будберга стала заметным явлением в историографии, поскольку её выгодно отличало стремление искренне и непредвзято взглянуть на историю сибирской и дальневосточной контрреволюции, раскрыть причины её краха.

Представляет интерес серьёзный труд активного участника белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке генерала В.Г. Болдырева [19], посвящённый заключительным страницам истории монархической контрреволюции в регионе. В книге даны весьма меткие характеристики некоторых лидеров дальневосточных монархистов – братьев С.Д. и Н.Д. Меркуловых, генералов С.Н. Розанова, А.И. Андогского, М.К. Дитерихса и др.

Гораздо меньшим количеством работ по истории российского революционного процесса было представлено в эмигрантской историографии либерально-демократического (прокадетского) направления. Среди его авторов выделялись преимущественно представители партии кадетов. В целом либерально-демократическая литература, как, впрочем, и работы консерваторов, не являлась однородной, поскольку авторы зачастую принадлежали к различным политическим течениям (даже внутри самой кадетской партии). И тем не менее для трудов данного направления были харак-

терны более широкий взгляд на события революций и Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке, обстоятельные поиски причин поражения белых.

Зарождение либерально-демократического направления эмигрантской историографии было связано в первую очередь с возникновением «сменовеховства», исходными мотивами которого явились поражение контрреволюции, итоги интервенции, пробуждение патриотизма, образование дальневосточного «буфера» и проявление раньше, чем где-либо в большевистской России, нэповских тенденций. У истоков либеральной историографии стояли лидер кадетов П.Н. Милюков [20] и председатель Восточного комитета ЦК кадетской партии Н.В. Устрялов [21].

Среди многочисленных кадетских и близких к ним авторов, оставивших свои работы, важны воспоминания видного политического деятеля Сибири, профессора Г.К. Гинса [22], в течение длительного времени курировавшего в Омском правительстве направление по разработке основ будущего конституционного устройства страны. Однако к его мемуарам нужно относиться крайне осторожно, поскольку Г.К. Гинс о многом умалчивал, а о некоторых вопросах сознательно давал искажённую информацию. Так, к примеру, вину за срыв попыток преобразования Государственного экономического совещания в законосовещательный орган он возлагал на не названных в тексте генералов колчаковской ставки. А между тем из дневника другого известного политического деятеля, министра внутренних дел Омского правительства, члена Совета Верховного правителя, кадета В.Н. Пепеляева выясняется, что одним из главных виновников этого срыва был сам Г.К. Гинс (вместе с П.В. Вологодским).

Важную информацию по данной теме содержат и воспоминания члена Союза возрождения России, кадета Л.А. Кроля [23], а также написанные в 1920-е гг., но опубликованные только в 1990-е гг. дневники П.В. Вологодского [24. С. 120–252] и Н.В. Устрялова [25. С. 283–338]. Однако в их воспоминаниях отражены более поздние оценки происходивших в стране событий, внесённые под влиянием уже известного исхода Гражданской войны в Сибири. К ним можно добавить весьма ценные публикации дневников В.Н. Пепеляева [26] и протоколов допроса А.В. Колчака [27].

Третьим направлением в эмигрантской историографии была литература правосоциалистических партий – меньшевиков, энесов, эсеров. В целом эти работы можно разделить на два направле-

ния. Одни авторы изображали социалистов последовательными и непримиримыми борцами против большевизма "во имя народовластия", ради которого демократия была готова к любым коалициям, даже к сотрудничеству с колчаковским режимом под флагом умеренной оппозиции [28, 29]. Другие социалисты стояли за соглашение с большевиками против колчаковщины [30, 31]. Кроме того, важная информация содержится в книгах участников «демократической контрреволюции», оказавшихся впоследствии в большевистском лагере [32]. Следует отметить, что, к сожалению, эмигрантские мелкобуржуазные авторы не сумели (а возможно, и не стремились) дать сколько-нибудь самостоятельные оценки событиям Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке, во многом повторяя представителей либерального течения.

Подводя некоторые итоги, отметим, что представители практически всех ведущих политических партий, оказавшись в эмиграции, единодушно оценивали большевистский переворот как национальную трагедию России. Русской эмиграции её первой волны, как и политической палитре страны до 1917 г. в целом, были свойственны пестрота и противоречивость. В спорах о национальном возрождении России каждая политическая партия предлагала свою концепцию, считая её единственно верной.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом (1920–1930)*. Белград, 1931. Вып. 1.
2. *Библиография русской революции и гражданской войны (1917–1921)*. Из каталога библиотеки Русского заграничного исторического архива / Под ред. Я. Славика; сост. С.П. Пошников. Прага, 1938.
3. *Геринг А.А.* Материалы к библиографии русской военной печати за рубежом. Париж, 1968.
4. *Струве Г.П.* Русская литература в изгнании: Краткий биографический словарь русского зарубежья. Париж, 1996.
5. *Константинов С.И.* Вооружённые формирования противобольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы Гражданской войны. Екатеринбург, 1997.
6. *Тормозов В.Т.* Белое движение в Гражданской войне. Историография проблемы (1918–1998): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998.
7. *Бордюгов Г.А., Ушаков А.И., Чураков В.Ю.* Белое дело: идеология, основы, режимы власти. М., 1998.
8. *Ленин В.И.* Речь на Всероссийском съезде транспортных рабочих 27 марта 1921 г. // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М., 1977. Т. 43.
9. *Историческая наука России в XX веке*. М., 1997.
10. *Лившин А.Я., Орлов И.Б.* Революция и справедливость: послеоктябрьские "письма во власть" // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998.
11. *К населению России* // Россия антибольшевистская. Из белогвардейских и эмигрантских архивов / Отв. ред. Г.А. Трукан. М., 1995.

12. *Петров П.П.* От Волги до Тихого океана в рядах белых. Рига, 1923.
13. *Сахаров К.В.* Белая Сибирь. Мюнхен, 1923.
14. *Иванов В.Н.* Крах белого Приморья. Тяньцзинь, 1927.
15. *Филимонов Б.Б.* Белоповстанцы: Хабаровский поход зимы 1921–1922 годов. Шанхай, 1932.
16. *Вишневский Е.К.* Аргонавты белой мечты. Харбин, 1933.
17. *Семёнов Г.М.* О себе: Воспоминания, мысли и выводы. Дайрен, 1938.
18. *Будберг А.П.* Дневник // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 12–15.
19. *Болдырев В.Г.* Директория. Колчак. Интервенты. Новониколаевск, 1925.
20. *Милуков П.Н.* Россия на переломе: Большевицкий период русской революции. Париж, 1927.
21. *Устрялов Н.В.* В борьбе за Россию. Харбин, 1920.
22. *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921. Т. 1–2.
23. *Кроль Л.А.* За три года. Владивосток, 1921.
24. *Дневник П.В. Вологодского* // Россия антибольшевистская. Из белогвардейских и эмигрантских архивов. М., 1995.
25. *Устрялов Н.В.* Белый Омск. Дневник колчаковца // Русское прошлое. 1991. Вып. 2.
26. *Развал колчаковщины* (Из дневника В.Н. Пепеляева) // Красный архив, 1928. Т. 6 (31).
27. *Допрос Колчака.* Л., 1925.
28. *Вишняк М.В.* На родине: Дальневосточная эпопея // Современные записки. Париж. 1921. № 3.
29. *Мельгунов С.П.* Трагедия адмирала Колчака. Белград, 1930–1931. Ч. 1–3.
30. *Солодовников Б.* Сибирские авантюры и генерал Гайда: Из записок русского революционера. Прага, 1921.
31. *Колосов Е.Е.* Сибирь при Колчаке. Пгр., 1923.
32. *Майский И.М.* Демократическая контрреволюция. М.; Пгр., 1923.